

19 сентября 2020

**«Я ВСЮ ЖИЗНЬ ДЕЛАЛ ВСЕГДА ТО, ЧТО ХОТЕЛ...»
К 120-летию русского гения**

Е. Фёдорова

«Ко мне подошёл человек нестарый, ширококостый (но сильно исхудавший), с носом, чуть-чуть закруглённым под ястреба:

— Профессор Тимофеев-Ресовский, президент научно-технического общества 75-й камеры. Наше общество собирается ежедневно после утренней пайки около левого окна. Не могли бы вы нам сделать какое-нибудь научное сообщение? Какое именно?

Застигнутый врасплох, я стоял перед ним в своей длинной затасканной шинели и в зимней шапке (арестованные зимой обречены и летом ходить в зимнем). Пальцы мои ещё не разогнулись с утра и были все в ссадинах. Какое я мог сделать научное сообщение? Тут я вспомнил, что недавно в лагере была у меня две ночи принесенная с воли книга — официальный отчёт военного министерства США о первой атомной бомбе. Книга вышла этой весной. Никто в камере её ещё не видел? Пустой вопрос, конечно, нет. Так судьба усмехнулась, заставляя меня сбиться на ту самую атомную физику, по которой я и записался в ГУЛАГе.

После пайки собралось у левого окна научно-техническое общество человек из десяти, я сделал своё сообщение и был принят в общество. Одно я забывал, другого не мог допонять, — Николай Владимирович, хоть год уже сидел в тюрьме и ничего не мог знать об атомной бомбе, то и дело восполнял пробелы моего рассказа. Пустая папиросная пачка была моей доской, в руке — незаконный обломок грифеля. Николай Владимирович всё это у меня отбирал, и чертил, и перебивал своим так уверенно, будто он был физик из лос-аламосской группы.

Он действительно работал с одним из первых европейских циклотронов, но для облучения мух-дрозофил. Он был из крупнейших генетиков современности. Он уже сидел в тюрьме, когда Жебрак, не зная о том (а может быть и зная), имел смелость написать для

канадского журнала: "Русская биология не отвечает за Лысенко, русская биология — это Тимофеев-Ресовский" (во время разгрома биологии в 1948 Жебраку это припомнили). Шрёдингер в брошюре "Что такое жизнь" нашёл место дважды процитировать Тимофеева-Ресовского, уже давно сидевшего.

А он вот был перед нами и блистал сведениями изо всех возможных наук. Он обладал той широтой, которую учёные следующих поколений даже и не хотят иметь (или изменились возможности охвата?). Хотя сейчас он так был измотан голодом следствия, что эти упражнения ему становились нелегки. По материнской линии он был из захудалых калужских дворян на реке Рессе, по отцовской же — боковой потомок Степана Разина, и эта казацкая могоута очень в нём чувствовалась — в широкой его кости, в основательности, в стойкой обороне против следователя, но зато и в голоде, сильнейшем, чем у нас», - так писал о Н.В. Тимофеева-Ресовском А.И. Солженицын...

Через год после этой встречи, в Карлаге, выдающегося русского учёного, умирающего от пеллагры (последняя стадия истощения, когда пища уже перестаёт усваиваться, болезнь, от которой умирали бездомные собаки и... зэки страны советов...), другие заключённые на руках выносили на работы и сажали у стены возле котлована. Николай Владимирович пел им песни. У него был замечательной красоты бас...

- И зачем вы, имея такой голос, пошли в науку? – спросил кто-то.

- Да потому что тогда научных работников было немного и большого вреда своему отечеству они не приносили...

В это время в СССР разрабатывался атомный проект. И о Тимофеева-Ресовском вспомнили. Умирающего зэка бросили на сани и в мороз везли 150 км для отправки в Москву. Уголовники вырезали спину у телогрейки учёного – на портянки... К пеллагре добавилась тяжёлая простуда. В Москву Николая Владимировича привезли уже без сознания. Однако, умевшие убивать, иногда умели и ставить на ноги – когда им было это нужно. Тимофеева-Ресовского на ноги поставили и отправили в Челябинскую область заниматься радиацией...

Ему не было ещё и пятидесяти, но пережитого им хватило бы на несколько жизней. Многодетная в традициях того времени дворянская семья, знаменитая московская Флёровская гимназия... Зоологию в ней преподавал Сергей Иванович Огнев. С ним 14-летний Николай объездил всю центральную Россию в качестве сборщика Императорской Академии наук для Зоологического музея. С отцом же, Сергея Ивановича, профессором гистологии медицинского факультета Московского университета, мальчик почти каждые выходные отправлялся на экскурсию по московским церквям. Вторым «экскурсантом» был художник М.В. Нестеров... Профессор Огнев рассказывал своим спутникам об археологии и искусстве постройки старых московских церквей. Не только почтенного «экскурсовода» слушал Николай во время тех прогулок, но и песни богомольцев. Обладая удивительной памятью, он запоминал их с первого раза.

В годы гражданской войны Тимофеев-Ресовский был мобилизован в красную армию, из которой вскоре выбыл, заболев тифом. Ещё раньше он начал посещать свободный университет им. А.Л. Шанявского, где произошла его судьбоносная встреча с Н.К. Кольцовым, основателем русской школы экспериментальной биологии. Николай Константинович организовал в университете первую в России и Европе лабораторию экспериментальной биологии. В этой лаборатории и начался научный путь Тимофеева-Ресовского. Днём он работал в артели грузчиков, читал лекции по зоологии на Пречистенском рабфаке и пел в красноармейском хоре, чтобы заработать на жизнь. Ночью же начинались занятия в университете... На сон оставалось лишь четыре часа.

В 1922 году в Москву приехал знаменитый американский генетик Герман Меллер. Он снабдил молодых русских коллег необходимыми материалами и литературой, был создан

кружок для обсуждения новых генетических работ. Одним из организаторов его был 22-летний Тимофеев-Ресовский. Кружок, получивший название «Дроздоор», стал колыбелью русской генетики, в скором времени беспощадно уничтоженной советской властью...

К 24 годам Николай Владимирович был уже одним из ведущих в стране специалистов по мутагенезу. Как раз в это время умер Ленин. С целью изучения законсервированного мозга вождя большевики пригласили немецкого учёного Оскара Фогта. Под его началом появился Московский филиал Берлинского института мозга, в дальнейшем переименованный в Государственный институт мозга Ленина при Ученом комитете ЦИК СССР, деятельность которого была строго засекречена... Видимо, ввиду её чрезвычайной «плодотворности».

Фогт быстро охладел к изучению серых клеточек Ильича, зато воспылал желанием организовать совместный германо-советский научный проект при Берлинском институте мозга Общества кайзера Вильгельма. Для этой цели и нарком Семашко, и Кольцов, ведущий в ту пору советский биолог, настоятельно рекомендовали 25-летнего Тимофеева-Ресовского. Сам молодой учёный совсем не хотел покидать Москву, но, как позднее вспоминал он сам: «...русские обыкновенно ездили учиться чему-нибудь за границу, а меня приглашают не учиться, а наоборот, учить немцев. Это случай такой выдающийся, и Кольцов, и Семашко (народный комиссар здравоохранения РСФСР) меня уговорили».

Сами того не зная, Семашко и Кольцов, спасли Николаю Владимировичу жизнь. Несколькими годами позже были один за другим арестованы трое его братьев, двое из них – расстреляны. Тогда же была разгромлена русская генетика, а многие учёные – репрессированы.

В 30-х годах власти намекали Тимофееву-Ресовскому, что ему пора возвращаться «на родину», его командировка не была продлена. Сам учёный всей душой стремился домой, но... Отговаривал Кольцов, предупреждая о последствиях возвращения. Через Г. Меллера передал записку и Вавилов, остерёг от «неприятностей». Вскоре Николай Иванович был арестован. Гениального русского учёного, ведущего генетика с мировым именем следователи избивали на допросах и мочились на него... Вавилов умер в лагере от пеллагры. Той самой, из лап которых в последний миг вырвали Николая Владимировича.

Тогда, в 1937 году, он предпочёл остаться в Германии. Его имя уже яркой звездой сияло на небосклоне мировой науки. В начале 50-х нобелевский комитет пошлёт в СССР запрос, жив ли ещё Тимофеев-Ресовский. Ответа не последует...

Немецкий период был наиболее плодотворным в жизни учёного. Им были сделаны ряд открытий, написаны основополагающие работы, на которые много лет спустя ссылались западные учёные. Совместно с физиком М. Дельбрюком он создал первую биофизическую модель структуры гена и предложил возможные пути его изменения. Изучая начальные этапы внутривидовой дифференциации, сформулировал и развил учение о микроэволюции. Д. Уотсон и Ф. Крик в своих исследованиях, приведших к установлению структуры ДНК, опирались именно на работу Тимофеева-Ресовского. Сам Николай Владимирович прилагал немалые старания, чтобы вклад русских ученых в биологию стал вырисовываться перед мировой наукой. Выступая на международных конгрессах, он ссылался на работы своих соотечественников, привлекая к ним внимание зарубежных коллег.

Когда началась война, сын Николай Владимировича, Дмитрий, примкнул к антифашистскому сопротивлению. Со своими соратниками он готовил покушение на Розенберга и генерала Власова. В 1943 году молодой человек был арестован. После допросов и пыток в гестапо его заключили в лагерь, но и там он не оставил попыток сопротивления, за что был расстрелян 1 мая 1945 года...

Тимофеев-Ресовский в ту пору старался, чем мог, помочь оstarбайтерам, снабжая их всевозможными удостоверениями своей лаборатории. После поражения рейха он мог эвакуироваться в западную часть Берлина, уехать в США, но Николай Владимирович остался,

уговорил остаться трёх своих коллег, сохранил уникальную лабораторию – для своей победившей страны... Для Родины...

«Родина», однако, этого дара не оценила. И погибшего в рядах антифашистов Дмитрия во внимание не приняла. Прикрывающая хищный оскал маской Родины большевистская система принимала во внимание лишь одно: в её когти наконец-то попал невозвращенец, ускользнувший из этих когтей в 30-е! Само собой, гениальный русский учёный был арестован, этапирован в Москву, обвинён в измене Родине и отправлен в Карлаг – подыхать, как собака... Так всё и кончилось бы, если бы не атомный проект, спасший жизни многих учёных.

В 1955 году срок заключения Тимофеева-Ресовского завершился, и ему предоставили право набрать собственную научную группу и перевели в Уральский филиал Академии наук СССР. Там, с 1955 по 1963 гг., он руководил отделом Института биологии.

В 1956 году Николай Владимирович создал уникальную биофизическую лабораторию в Ильменском заповеднике, на озере Большое Миассово, проводил там семинары для молодых ученых из разных городов страны, заложив основы радиоэкологической научной школы. «Уралу повезло: судьба забросила в наши края великого и удивительного человека. Едва ли когда-нибудь жил на Урале, творил и вещал мыслитель такого масштаба, как Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский...» – вспоминал один из его учеников, профессор Ю. И. Новоженев.

В 1964 году вместе с женой и младшим сыном, вернувшиеся за ним из Германии, учёный поселился в Обнинске, где продолжал работать в ядерной отрасли.

Николай Владимирович никогда не жаловался на судьбу и всегда оставался самим собой. «Я всю жизнь делал всегда то, что хотел, – говорил он, – и не изображал из себя какую-то фигурку, которая страдает от того, что её заставляют всё время делать не то, что ей хочется. Таких страдающих людей вокруг меня до сих пор до чёрта. Их всё угнетает, их все угнетают, и они принуждены, видите ли, заниматься не тем, чем хотели бы. ..Врут дьяволы!»

О реабилитации Тимофеев-Ресовский не просил также. Уже после его смерти о ней стали хлопотать его потомки. В горбачёвском 87-м, когда реабилитировали ленинских упырей, русского учёного не только не оправдали, но и посмертно ужесточили статью, вдруг открыв, что он не просто «сотрудничал с фашистами», но помогал развитию их вооружений. Пять лет спустя доказательств этому не нашли и Николая Владимировича всё-таки реабилитировали, хотя вряд ли это было нужно ему самому, и вряд ли он всерьёз отнёсся бы к этой процедуре. Он никогда не придавал значения «бумажкам»...

Будучи, как и многие учёные-естественники, ещё и незаурядным мыслителем, Николай Владимирович ещё в середине 70-х весьма точно предсказал скорый крах СССР. Тимофеев-Ресовский предупреждал, что после отмены социалистической идеологии власть немедленно получают популисты, вышедшие из КПСС и вдруг ставшие доказывать, что капитализм — «шаг в будущее», что главным занятием в условиях провозглашённой демократии станет расхищение социалистической собственности, причем ускоренными темпами. Предрёк учёный и распад СССР – с одной лишь ошибкой: Николай Владимирович полагал, что на этот процесс уйдёт лет 20, но мертворожденное образование рассыпалось в считанные дни...

Сегодня на фоне политики ресоветизации имя Тимофеева-Ресовского всё чаще чернят новоявленные «советские патриоты», подвизающиеся на ниве «разоблачения фашистских гадов». А в год 120-летия русского гения в Екатеринбурге улицу, носящую его имя, несмотря на протесты научной общественности, переименовали – в улицу академика Парина... Карта России повсеместно сквернена именами террористов, уголовников, предателей. Но места великому сыну нашего Отечества, учёному с мировым именем на ней не нашлось.